

В западном крыле второго этажа старого поместья семьи Ци по-прежнему располагался рабочий кабинет Ци Цзюэ.

В детстве кабинет казался просторным, но теперь, заставленный многочисленными стеллажами, заваленный книгами и папками с отчетами, он словно сжался. Да и сам Ци Цзюэ в свои двадцать лет стал куда крупнее и выше, чем в те времена, когда только-только переступил порог отрочества — в комнате ему теперь было явно тесно.

Дворецкий, уловив намек главы семейства, Ци Линьгуана, не раз предлагал переоборудовать под кабинет просторную пустующую гостиную отца, но Ци Цзюэ отличался консерватизмом и всякий раз отмахивался от этой затеи.

Поэтому теперь, когда приходилось работать дома, он по старой привычке запирался здесь и с головой уходил в дела.

Хотя Ци Цзюэ вошел в семейный бизнес еще пять или шесть лет назад, отец слишком поспешно передал ему все бразды правления. Юноша был молод, и хотя на заседаниях совета директоров все внешне признавали главенство семьи Ци, он прекрасно понимал: за кулисами плетутся интриги и кое-кто спит и видит, как бы поставить ему подножку.

Закончив с очередной стопкой документов, Ци Цзюэ откинулся на спинку кресла, чтобы перевести дух, и случайно бросил взгляд в окно. Там, прямо за стеклом, буйно и радостно цвело что-то нежно-сиреневое, мгновенно приковав к себе внимание.

Даже он, человек бесконечно далекий от садоводства и равнодушный к любым растениям, невольно замер. Еще в прошлые выходные, когда он точно так же сидел за отчетами, за окном зеленела лишь унылая листва. Неужели распустилось так быстро?

В голове тут же всплыл образ Ци Сяохэ — ведь именно он ухаживал за этим сортом, «Синим дождем». Ци Цзюэ слегка нахмурился, и мимолетное очарование красивым пейзажем бесследно растворилось.

Раздался негромкий, но отчетливый стук в дверь.

Решив, что это прислуга несет фрукты, Ци Цзюэ, не поворачивая головы, бросил:

— Войдите.

Дверь тихо скрипнула, приоткрылась, но никто не вошел, и в комнате повисла тишина.

Ци Цзюэ оторвал взгляд от сиреневых лепестков за стеклом и посмотрел на порог. Там, виновато опустив голову, стоял сам «хозяин» расцветшего куста.

В кабинете воцарилось неловкое молчание. Ци Цзюэ едва заметно нахмурился:

— Что стряслось?

С тех пор как Сяохэ исполнилось тринадцать, он почти никогда не заговаривал со старшим братом первым. Вероятно, даже его детская наивность в конце концов разбилась о суровую реальность: он понял, что Ци Цзюэ, как и все остальные в этом доме, презирает его. Для них он был чужаком, едва не занявшим место родного ребенка. Живым напоминанием о семейном позоре и невольным виновником того, что их мать когда-то пережила тяжелейший послеродовой шок, подорвавший ее здоровье раз и навсегда.

Каким бы простодушным и недогадливым ни был Сяохэ, после бесконечных холодных взглядов и пренебрежительных вздохов даже до него наконец дошло положение вещей.

И все же сейчас он стоял здесь. Ци Цзюэ не сомневался: мальчишке от него что-то нужно.

Сяохэ нервно крутил и заламывал пальцы — эта дурацкая привычка всегда раздражала Ци Цзюэ больше всего. Сдержав порыв прикрикнуть на него, старший брат молча ждал, пока тот соберется с духом.

— Можно мне... перевестись в другую школу?

Услышав это, Ци Цзюэ недоверчиво прищурился.

В нынешнюю школу принимали исключительно по результатам экзаменов. Сяохэ, разумеется, и близко не дотягивал до нужной планки, но закатил форменную истерику, требуя устроить его именно туда. Ему, видите ли, хотелось пожить в общежитии — показалось забавным. Для влиятельной семьи Ци уладить вопрос с зачислением не составило труда, но самого Ци Цзюэ, который всю жизнь учился на отлично, это капризное отношение к образованию жутко раздражало.

И вот, прошла всего неделя?

Взгляд Ци Цзюэ похолодел.

— И что, в новой школе ты соизволишь продержаться хотя бы до конца полугодия?

В его голосе сквозило откровенное недоверие. У Сяохэ не было права обижаться, поэтому он просто покорно кивнул.

Ци Цзюэ считал, что нынешнее учебное заведение — пожалуй, единственный шанс направить этого непутевого парня на истинный путь. Очередная прихоть вызвала у него лишь глухую досаду. Постукивая пальцами по столешнице, он попытался совладать с раздражением:

— Перетерпи хотя бы еще неделю. Если прыгать из школы в школу каждые семь дней, ты нигде не приживешься.

Но Сяохэ упрямо мотнул головой.

— Нет, в следующей я точно останусь. Пожалуйста... я просто не могу там больше находиться. Старший... молодой господин, умоляю, помогите мне.

Это вымученное, чужое обращение больно резануло слух. Ци Цзюэ уже открыл рот, чтобы осадить его, но осекся, наткнувшись на его взгляд.

Темные глаза мальчишки подозрительно блестели от подступающих слез.

На секунду Ци Цзюэ замешкался, но здравый смысл быстро взял верх. С чего бы этому сопляку строить из себя жертву? За свою жизнь он и так незаслуженно получил непомерно много благ — куда больше, чем ему причиталось.

Лицо его снова сделалось каменным.

— Хорошо, — коротко бросил он.

Лицо Сяохэ мгновенно просветлело.

— И еще, — сухо добавил Ци Цзюэ. — Впредь называй меня по имени. Никаких «молодых господ».

Сяохэ растерялся — у него язык бы не повернулся назвать старшего просто по имени, — но под тяжелым, давящим взглядом брата ему оставалось лишь торопливо закивать.

Когда дверь за Сяохэ закрылась, Ци Цзюэ еще какое-то время сидел неподвижно. Затем взял со стола смартфон, быстро отыскал нужный номер и нажал на кнопку вызова.

Трубку сняли почти мгновенно. Из динамика полился удивленный и заискивающий мужской голос:

— Маленький господин Ци! Какая неожиданность! Рад слышать. У вас какое-то поручение? Я весь внимание...

— Директор Цинь, — ровным тоном произнес Ци Цзюэ. — Хотел спросить: у Ци Сяохэ не возникало проблем в школе? Его никто не обижал?

Вице-директор Цинь на секунду замялся, после чего горячо затараторил:

— Ну что вы, маленький господин Ци, помилуйте! Как такое вообще возможно? Наша старшая школа Цинху славится строжайшей дисциплиной. Мы принимаем только способных ребят с безупречным поведением. Максимум, что бывает — детские препирательства из-за пустяков, но о настоящей травле и речи быть не может! К тому же... к молодому господину Сяохэ мы относились с особым вниманием. Я лично распорядился подселить его в комнату к лучшему ученику на параллели. Мальчик он, конечно, неразговорчивый, но тихий, мухи не обидит. Может, произошло какое-то недоразумение?

— Понятно, — сухо уронил Ци Цзюэ.

И, не прощаясь, нажал отбой.

Директор наверняка приукрашивал действительность, но доля истины в его словах была. Репутация у школы Цинху действительно была безупречной — откровенный беспредел там вряд ли бы допустили.

Допытываться и выискивать скрытую правду у него не было ни малейшего желания — детские капризы лишь утомляли. Да и Сяохэ ловили на вранье далеко не единожды.

Задумчиво посмотрев на буйно разросшийся за стеклом куст «Синего дождя», он отвел взгляд и набрал другой номер.

— Подбери частную школу подальше от нашего поместья. И сними квартиру поблизости, найми двух помощниц по хозяйству для уборки и готовки.

Новым местом учебы Сяохэ оказалась неприметная частная школа.

Элитной ее можно было назвать лишь с большой натяжкой: по уровню успеваемости она безнадежно отставала от передовых лицеев, да и до статуса по-настоящему престижного заведения не дотягивала — жалкое подобие международной академии, где Сяохэ учился раньше.

Впрочем, парень прекрасно понимал: это предел терпения старшего брата. Здесь ему предстояло провести следующие три года.

Возвращаться в школу Цинху Сяохэ не пришлось — все вещи из общежития забрал и привез водитель, дядя Чжан. Парень наспех перебрал коробки, отобрал самое необходимое и приготовился к переезду.

Пока машина мчалась к новому учебному заведению, Сяохэ упорно смотрел в окно, боясь случайно поймать в зеркале заднего вида пренебрежительный взгляд водителя.

Пансиона при этой школе не было, а до поместья Ци добираться пришлось бы слишком долго. Поэтому Ци Цзюэ, как и обещал, снял для него квартиру неподалеку и нанял прислугу.

Новое жилье встретило его безупречной чистотой шоурума — красивое, но совершенно безликое и холодное. Нанятая помощница приходила лишь на пару часов в день, так что Сяохэ оставался один на один с этой пустотой.

Для одного человека квартира казалась чересчур просторной. Облокотившись на перила балкона, Сяохэ уныло разглядывал соседские окна. Почти везде балконы пустовали или были забиты сушащимся бельем; лишь кое-где на подоконниках сиротливо ютились чахлые горшки с геранью.

Он тихонько вздохнул. Вдали от усадьбы дышалось гораздо легче, но в груди все равно щемило от тоски по старому саду — огромному, живому, где он мог возиться с землей часами напролет.

<http://bllate.org/book/19821/1995784>